

Е.Г. СЕРЕБРЯКОВА

ИДЕНТИЧНОСТЬ «ЗАЩИТНИК» В СОЦИАЛЬНОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ФРИДЫ ВИГДОРОВОЙ

Елена Геннадьевна Серебрякова,

Воронежский государственный университет,
факультет философии и психологии,
кафедра истории философии и культуры,
доцент
Университетская пл., д. 1, Воронеж, 394018, Россия

кандидат филологических наук
ORCID 0000-0002-5281-8192; SPIN 2777-8959
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru

Реферат. Объектом исследования является социальная и профессиональная позиция писательницы и журналиста Фриды Вигдоровой, которая оценивалась советской либеральной интеллигенцией 1960–1970-х гг. как чрезвычайно ценная. Ее запись суда над И. Бродским послужила образцом для составителей отчетов о судах над диссидентами — А. Гинзбургом, П. Литвиновым, Н. Горбаневской и др. Нонконформисты разделяли мировоззренческие принципы Ф. Вигдоровой, тиражировали ее поведенческую модель в процессе защиты инакомыслящих от преследования властей и сделали образец «защитник» нормой общественного поведения. Цель данной работы — выявить истоки формирования поведенческой модели «защитник» и охарактеризовать ак-

сиологию журналиста. Материалом исследования послужили воспоминания современников о Ф. Вигдоровой и ее публицистика.

Автор утверждает, что социальное и профессиональное поведение моделировалось Ф. Вигдоровой по образцам, сформированным русской и европейской традицией. Ближайшим ориентиром выступала общественная деятельность В. Короленко. В качестве доказательства этого тезиса приводится сопоставление поведенческой тактики Ф. Вигдоровой в деле Бродского и Короленко в деле Бейлиса. Отзывы современников о Ф. Вигдоровой подтверждают ее сознательную ориентацию на поведенческую модель «защитник», реализованную не только в деле Бродского, но и в социальной практике и публицистике. В аксиологию Ф. Вигдоровой, по свидетельству современников, входила деятельная помощь людям, гуманизм и стремление к справедливости. Публицистика Ф. Вигдоровой посвящена этике общественных отношений. Основу сюжета очерков составляют, как правило, драматичные события, требующие немедленного вмешательства общественности. Она ориентирует читателя на сопереживание и ответственное активное социальное поведение. Так решается задача формирования деятельного участия граждан в судьбе друг друга, утверждается ценность сострадания и милосердия.

В статье делается вывод о том, что аксиология и поведенческая практика Ф. Вигдоровой включала в себя универсальные для русской и европейской традиции XIX в. ценности — антропоцентризм и гуманизм.

Ключевые слова: Ф. Вигдорова, дело Бродского, модель поведения защитник, поведенческие образцы, нонконформизм, социокультурная идентичность, культура социальной коммуникации, культура и личность.

Для цитирования: Серебрякова Е.Г. Идентичность «защитник» в социальной и профессиональной практике Фриды Вигдоровой // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 1. С. 72–83. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-1-72-83.

Как современные отечественные исследователи самиздата [1–3], так и зарубежные [4–7] не могут обойти вниманием роль писательницы и журналиста Фриды Вигдоровой в становлении неподцензурной публицистики. Ее имя традиционно связывается с делом Бродского, однако ее личностная и профессиональная позиция еще не получили всесторонней оценки.

Либеральная советская интеллигенция 1960–1970-х гг. ориентировалась на социальное поведение Ф. Вигдоровой как на образец. Правозащитник П. Литвинов, педагог и литературовед Э. Безносков рассказывали, что ее запись суда над И. Бродским определила их дальнейший жизненный путь [8, с. 249, 255]. Текст Ф. Вигдоровой служил ориентиром для составителей последующих отчетов о судах над диссидентами — А. Гинзбурга, П. Литвинова, Н. Горбаневской и др., а модель поведения «защитник» трансформировалась в правозащитную [9].

Заметим, что образец формирует последователей не всегда. Нужна особая логика общественного восприятия, чтобы пример приобрел субъективную значимость и начал служить ориентиром. Например, И. Паперно убедительно доказала влияние мемуарной прозы и жизненной модели А. Герцена на формирование

исторического самосознания писателей-шестидесятников, реализованного в их литературных и поведенческих практиках [10, с. 110]. К герценовскому коду следует добавить целую плеяду литературных и исторических персонажей. Культурный образец выполнял роль посредника, помогающего осмыслить личную жизнь в контексте истории. «Родовая память» актуализировала поведенческие модели, осмысленные сообществом как адекватные ситуации. Например, литераторам оказалась близка традиция, унаследованная русской культурой от европейского Просвещения — образ писателя-защитника, востребованный вследствие юридического преследования писателей-нонконформистов.

Цель данной работы — выявить истоки формирования поведенческой модели «защитник» в поведении Ф. Вигдоровой, охарактеризовать аксиологию, реализованную ею в общественной и профессиональной практике. Материалом исследования послужило литературно-публицистическое наследие писательницы и воспоминания о ней современников.

В. КОРОЛЕНКО КАК ОБРАЗЕЦ ПОВЕДЕНИЯ Ф. ВИГДОРОВОЙ В ДЕЛЕ БРОДСКОГО

Ориентация Ф. Вигдоровой на общественное и профессиональное поведение В. Короленко была замечена ее друзьями — Л. Чуковской [11, с. 394] и Р. Орловой [12, с. 285]. Несмотря на разницу художественных задач, этических позиций и, соответственно, различные акценты в образе Ф. Вигдоровой, расставленные авторами (для Л. Чуковской была важна литературная значимость записи суда над И. Бродским, а для Р. Орловой — общественный аспект ее писательского поступка), обе были едины во мнении: общественная деятельность В. Короленко по защите безвинно обвиненных удмуртов (мултанское дело) и главного фигуранта дела Бейлиса служила для Ф. Вигдоровой поведенческим образцом. Для такого вывода у Р. Орловой и Л. Чуков-

ской было серьезное основание — очевидная аналогия тактических приемов защиты, использованных обоими писателями.

Ф. Вигдорова и В. Короленко вскрывали «заказной» характер процессов. За кулисами дела Бейлиса В. Короленко видел киевских черносотенцев под покровительством В. Пуришкевича и министра юстиции И. Щегловитова, Ф. Вигдорова в деле Бродского — неосталинистов, не желающих сдавать руководящих позиций. Правда, журналист приглушила антисемитский дух процесса, зафиксированный, например, Л. Чуковской и А. Ахматовой [13, с. 117], поскольку такая трактовка конфликта снизила бы его масштаб. В ее версии власть судила не еврейского поэта, а художника, стремящегося целиком посвятить себя творчеству и ради этого пренебрегшего общепринятыми нормами социальной жизни — постоянной занятостью на производстве. Литераторы мобилизовали общественность ради диалога с государством. Их цель была разъяснить недопустимость репрессий, убедить представителей власти в губительных последствиях разжигания розни между национальностями (В. Короленко) или социальными слоями — «трудовым народом» и интеллигенцией (Ф. Вигдорова). Писатели возлагали надежды на нравственное чувство соотечественников, способное преодолеть антисемитизм местных властей и невежество присяжных (в случае Бейлиса), идеологическую тенденциозность свидетелей обвинения и судей, политическую ангажированность процесса (в случае Бродского). Итог дела для обоих литераторов — показатель нравственного климата в обществе, свидетельство духовного здоровья нации.

Добавим, что В. Короленко, в свою очередь, опирался на традицию, заложенную европейскими просветителями, в частности Вольтером, защищавшим французских протестантов от преследования католиков. Таким образом, за поведением В. Короленко, а тем более Ф. Вигдоровой, стояли великие личности, сформировавшие канон защитного поведения. Этот канон включал в себя ряд универсальных нравственных оснований:

- ◆ писатель-защитник апеллирует к власти и общественному мнению с позиций общечеловеческой морали; ценность личности выше

- конфессиональной, национальной принадлежности или мировоззрения обвиняемого;

- ◆ справедливость выше политики и идеологии;

- ◆ гуманизм и сострадание должны быть главными законами человеческого общежития;

- ◆ защитник обвиненного осознает, что рискует личным благополучием, мобилизуя отечественную и мировую общественность на противодействие тенденциозному судебному решению, он действует, отчетливо сознавая персональную ответственность не только перед отдельной личностью — обвиненным, но перед историей, ход которой определяется индивидуальным стремлением каждого человека к прогрессу и справедливости.

Поведение Ф. Вигдоровой в деле Бродского было признано либеральной общественностью образцовым, а способы осмысления и артикуляции события, зафиксированные в записи суда над И. Бродским, каноничным текстом. Хотя за пересмотр приговора поэту ходатайствовала значительная группа (Н. Долинина, Л. Копелев, Р. Орлова и многие другие), инициатором и вдохновителем являлась, безусловно, Ф. Вигдорова. Признание либеральной интеллигенцией ценности поведения писательницы и ориентация последователей на ее образец объясняются, на наш взгляд, не только результативностью (приговор И. Бродскому, как известно, был пересмотрен), но и узнаваемостью исходного образца, восприятием ее модели поведения как вневременной, ценной в любую эпоху. Актуализация «родовой памяти», обращение к славным традициям предков налагала обязательства на потомков — соответствовать высокой роли защитника, входящей в миссию русской интеллигенции. В ходе последующих судебных процессов над литераторами составители книг-отчетов: А. Гинзбург («Белая книга о деле Синявского и Даниэля»), П. Литвинов («Процесс четырех»), Н. Горбаневская («Полдень») и другие тиражировали образец поведения Ф. Вигдоровой, наделив его статусом нормативного. В общественных акциях (петиционных кампаниях, «Митинге гласности» 5 декабря 1965 г., создании специальных комитетов в защиту репрессиро-

ванных и др.) нонконформисты сохранили защитную риторику, дополнили ее правозащитной и подтвердили неизменность исходной позиции.

ПОЗИЦИЯ Ф. ВИГДОРОВОЙ В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОСТЕЙ

Утверждение М.М. Бахтина о том, что поступать определенным образом человека заставляет не содержание обязательства, а личная подпись под ним [14, с. 49], по нашему мнению, могла бы сделать и Ф. Вигдорова. Сутью ее характера мемуаристы называют деятельное участие, которое она настойчиво проповедовала в статьях и очерках. Работа депутата райсовета, по свидетельству дочери, отнимала у Ф. Вигдоровой много сил, но не была бесполезной: за полтора года ей удалось переселить из подвалов и барачников 100 семей. Н. Мандельштам была благодарна ей за московскую прописку, А. Амальрик — за продолжение учебы на историческом факультете МГУ после фактического исключения из вуза, И. Грекова — за вхождение в литературу. Помощь друзьям и вовсе незнакомым людям была логичным продолжением журналистской работы. Н. Мандельштам писала: «Взявшись за дело, Фрида вгрызалась в него мертвой хваткой и не выпускала, пока не добьется своего. Она берется при этом за безнадежные дела и [все-таки] добивается своего» [15, с. 386]. В том же духе высказывалась И. Грекова: «Сколько было за это время — начало 60-х — сделано Фридой по-настоящему гражданственных — в высоком смысле слова — дел! <...> Главным для нее была подлинность страдания, а этого не подделаешь. Все время она за кого-то заступалась, что-то отвоевывала. <...> Звонила по разным инстанциям, ходила лично, просила помочь. <...> Вот где ей служило добрую службу ее обаяние: человеку с такими глазами, с такой улыбкой, как у Фриды, трудно было отказать! Как она радовалась при удаче, а при неудаче как близко и горько принимала происшедшее к сердцу!» [16, с. 14]. Существенную характеристику добавляла Л. Чуковская: «От доброго поступка Фрида требовала полноты, щедрости — того,

что делает поступок не только правильным, но и красивым. Она сильно чувствовала эстетику добра» [11, с. 376]. Как видим, восприятие личности мемуаристами выдержано в традициях классической эстетики: идеал — картезианская личность, обладающая цельностью самосознания, восприятия окружающего мира и действенным выражением своего мировоззрения. Этическая наполненность поступка — спасать, защищать обиженных — подкреплена эстетической характеристикой: прекрасная женщина совершает красивые поступки. Такое толкование характера соответствует не только личности Ф. Вигдоровой, но и мировоззренческой позиции ее современников, оценивающих человека по его соответствию идеалу.

Мемуаристы неизменно называют главным качеством личности Ф. Вигдоровой готовность вступаться за обиженных, помогать и словом, и делом. Истоки этой нравственной позиции Н. Мандельштам находила в глубокой религиозности: «Присмотревшись к Фриде, я увидела, что у нее в душе есть Бог, вера в которого определяет все ее поведение, всю ее жизненную линию. Отсюда ее деятельная любовь к людям, ее уважение к ценностям, ее железная твердость, ее неспособность к компромиссам. Отсюда ее зоркость и сознание долга. <...> Фрида слышала и видела и поэтому имела возможность всегда меняться и пересматривать идеи, которые ей смолоду вбивали в голову» [15, с. 390]. По мысли Н. Мандельштам, духовное развитие Ф. Вигдоровой происходило от «советскости» к подлинным ценностям, в ее толковании — христианским. Личностная динамика сведена Н. Мандельштам к социальности: по ее мнению, менялось отношение Ф. Вигдоровой к советским «священным обычаям», с годами пришло осознание антигуманной логики государственной системы. Такое понимание было созвучно нонконформистскому дискурсу, классифицировавшему явления в бинарных оппозициях, в частности «русский — советский». Христианство, как знак русской культуры, толковалось Н. Мандельштам как принадлежность носителя к высшей системе нравственных координат, в отличие от лживой советской.

Свое объяснение мировоззренческой позиции Ф. Вигдоровой предлагала Л. Чуковская. Исповедуя секулярные ценности ев-

ропейского Просвещения, она указывала на позитивизм как философское основание мироощущения, профессиональной и социальной деятельности Ф. Вигдоровой. Нравственная опора на мировую культуру составляла, по убеждению Л. Чуковской, суть ее мировоззрения. С Н. Мандельштам Л. Чуковская соглашалась в определении логики личностной динамики — от приятия действительности к прозрению. Вопрос, была ли Ф. Вигдорова оппозиционна власти, кажется, снимается И. Грековой, которая вспоминала слова, услышанные от нее на прогулке: «Я глубоко антисоветский человек» [16, с. 268]. Однако самооценка может быть ошибочной. Самосознание Ф. Вигдоровой исторично, она идентифицировала себя как продолжателя европейских и русских традиций заступничества, осуществленных А. Герценом, В. Короленко и др. Гражданский поступок для нее — часть не только социальной, но и эстетической программы: художник обязан отзываться душой на людскую боль и действенно, творчеством влиять на современность. Такова была позиция русских литераторов XIX в. и Ф. Вигдоровой — писателя и журналиста века. Ее «антисоветскость» не социально-политического, а этического и эстетического свойства. В своих «защитных» акциях она не противопоставляла себя власти, а отстаивала универсальные нравственные ценности — справедливость и милосердие как правила общежития, свободомыслие как основу самосознания и личностного поведения.

А. Раскина, ее дочь, вспоминала слова, услышанные от матери в связи с работой депутатом райсовета: «Можно советскую власть хвалить, можно ее ругать. Но дело в том, что ее нет — советской власти. Нет у советов никакой власти» [17, с. 268]. В этих словах нет осуждения советской власти как таковой, звучит лишь сожаление о слабости самоуправления, отсутствии полномочий у демократических по своей сути государственных институций.

Нетрудно обнаружить, что в совершаемых Ф. Вигдоровой действиях нет главного свойства оппозиционности — нарушения поведенческих стереотипов, сознательной ориентации на протест. Нравственный человек помогает другим людям, способен к состраданию, стре-

мится отстаивать справедливость — это аксиомы общественной морали. Вигдорову выделяет степень личного проживания общепринятых норм, энергичность и полная самоотдача, с которой она совершает деяния.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Ф. ВИГДОРОВОЙ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТНОЙ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Мировоззренческая позиция Ф. Вигдоровой может быть определена как концепция деятельного участия, декларируемая в творчестве и осуществленная на практике. Ее публицистическое наследие состоит преимущественно из очерков на педагогическую и нравственную тематику.

Очерки, как правило, посвящены драматичному событию, требующему немедленного вмешательства общественности: несправедливому увольнению учительницы из музыкальной школы, тюремному заключению вчерашнего школьника и т. п. Толкование факта, положенного в основу сюжета, взволнованный способ авторского высказывания ориентируют читателя на сопереживание, эмоциональное включение в ситуацию, моделируют ответное активное гражданское поведение. Так решается воспитательная задача — формируется деятельное участие граждан в судьбе друг друга, сострадание и милосердие декларируются как необходимые принципы жизнеспособности общества.

Профессиональное поведение Ф. Вигдоровой можно оценить как моральную инженерию: ее аналитика социальных явлений предполагает программирование нравственного поведения граждан. Для этой цели она избирает особую систему координат. Центральное происшествие в статьях («Кем вы ему приходиться?», «Плохой студент?», «Аморальное поведение») осмыслено в категории не проблемы, а беды. Проблема — жизненная задача, предполагающая рациональное осмысление и разрешение. Ее значение в жизни человека может быть позитивным: преодолевая обстоятельства, он обогащает свой жизненный опыт. Беда — сотрясение жиз-

ненных основ, разразившаяся катастрофа, ставящая потерпевшего на грань жизни и смерти. Здесь нет места долгим размышлениям, равнодушные люди должны действовать безотлагательно и решительно. Это проверка самого человека и его окружения на качество. Исходные признаки главного события в фабуле очерка позволяют оценить компоненты, из которых складывается картина мира и человека.

В аксиологии автора на первом месте стоит человек. «...Обороняйте людей, люди стоят защиты» — так, по мнению Л. Чуковской, звучит главная мысль всех книг и статей Ф. Вигдоровой [11, с. 366]. В соответствии с основной этической задачей выстраивается ценностная иерархия, определяются доминанты. Участие и взаимопомощь — важнейшие концепты авторской картины мира. В семантическое поле понятия «участие» входят не только «сочувствие», «сострадание», но и «поступок», действие во имя человека, потому что в статьях данные категории выступают как взаимодополняющие. Эти ценностные ориентиры обладают для людей силой нравственного влияния, спланивают общество в нерушимое единство, способны создать целостный, гармоничный миропорядок.

В публицистике подчеркнута действенная роль личности. Поступок — мера человечности и гражданственности. «Нет поступков, не оставляющих следа», — провозглашает журналист и разворачивает этот тезис в своих статьях [8, с. 35]. Герой очерка «Двойка по истории» после тюремного заключения смог социализироваться благодаря отзывчивости людей, поддержавших в нем лучшие порывы. Обучение центрального персонажа осмыслено в нравственном плане: он постиг законы человеческого общежития, осознал всю меру ответственности за собственную жизнь. В каждом заложена возможность стать лучше или хуже. Важно, чтобы житейские уроки были добрыми и честными, тогда в ответ открываются души, пробуждается разум. Желание духовного роста непременно должно быть поддержано ближайшим окружением и сочувствием общественности. Люди обязаны помогать друг другу в реализации духовного потенциала. Взаимопомощь фиксируется в очерках как поведенческий образец.

В соответствии с эстетикой соцреализма художник слова должен утверждать общественно

значимый идеал, приближать его своим творчеством. Ф. Вигдорова следует этому назначению. Образцовое общество в модели ее мира строится по образцу семьи: духовные связи подобны родственным. Сородичи переживают друг за друга, поддерживают и помогают. Таким же сострадательным сердцем должны обладать граждане, готовые содействовать слабым и потерпевшим бедствие членам общества. Все связаны взаимной ответственностью, осознаваемой или нет. В первом случае устанавливаются гармоничные отношения, несправедливость в отношении человека, его житейские бедствия могут быть преодолены совместными усилиями. Во втором — трагический исход неминуем. Не безличные законы, а люди определяют ход жизни. Главный аргумент обвинения в аксиологии Ф. Вигдоровой — гибель человека из-за чужого равнодушия, казенно-бюрократического отношения к его страданиям.

Многие статьи посвящены педагогическим проблемам: «...Извлекает искры», «Костер без пламени», «Глаза пустые и глаза волшебные» и др. Исследовательница Е. Пенская, анализируя взаимосвязь советской журналистики и педагогики в первые годы оттепели, отмечает: «В те годы пресса взяла на себя целый ряд изначально не свойственных ей функций, в том числе традиционных для образовательных институтов» [18, с. 266]. В частности, журналисты активно включились в обсуждение новой стратегии образования, предложенной педагогической наукой в 1958 году. Ряд идей (создание многовариантных типов учебных заведений, школ для одаренных детей, развитие детской самостоятельности и творчества) широко обсуждался в прессе и был близок Ф. Вигдоровой, убежденной в необходимости индивидуального подхода к ученику [19, р. 19], развития в ребенке творческого потенциала, гуманизации системы образования.

Ф. Вигдорова решает не только педагогические задачи, но и моделирует новый характер взаимодействия общества и школы — заинтересованный, неформальный. Педагогические проблемы получают у писательницы нравственно-этическое толкование, в них ощутима солидарность Ф. Вигдоровой с идеями В. Сухомлинского, развивавшего гуманистические традиции русской педагогики. Он являлся убе-

жденным сторонником педагогики сотрудничества, основанной на уважении взрослых к свободе личности ребенка, признании ценности его внутреннего мира.

Учитель — знаковая фигура в мироздании Ф. Вигдоровой. В соответствии с русской традицией это понятие аксиологически нагружено. Ему сопутствуют близкие по семантике «наставник», «старший друг». Обучение и воспитание — неразрывные, взаимодополняющие процессы. Миссия учителя высока и благородна — пробудить самосознание в ученике, помочь осмыслить законы жизни и общества. Духовное соответствие профессии предполагает непрекращающуюся нравственную работу и неизменную честность перед учениками. Общечеловеческие ценности провозглашались В. Сухомлинским и Ф. Вигдоровой как универсальные в педагогике и социальной практике. Школа, семья, друзья — все окружение ребенка несет моральную ответственность за формирование его внутреннего мира и дальнейшую судьбу. Главная героиня очерка «Кем вы ему приходиться?» борется за пересмотр уголовного наказания ученику. Тот совершил преступление, поскольку разуверился в людях. Однако пример учителя, поддержка друзей и родных заставили подростка выйти из тупика эгоистической обиды, пробудили самосознание. Воспитательная семантика очерка очевидна: борьба за человеческую душу благородна и небесполезна, общество скрепляется нравственно-этическими взаимосвязями, умением поддержать попавшего в беду.

Позиция В. Сухомлинского и Ф. Вигдоровой совпадала в определении конечных усилий педагога и общественности — формировании гармонически развитой личности, соединяющей интеллект, эстетическое и этическое начала в целостное единство. Эту воспитательную задачу предлагалось решать с помощью художественной литературы, которая, по словам Ф. Вигдоровой, «строит душу». В классических текстах зафиксирован духовный опыт человечества, т. е. истинные знания о жизни. Литературные примеры способны стать поведенческими образцами, определить вневременную систему нравственных координат.

Идеологические усилия признанного педагога-новатора и журналиста укладывались в официальную парадигму. Картезианский иде-

ал человека, трансформированный в марксистской идеологии в концепцию всестороннего развития личности, разрабатывался советской философией и внедрялся в массовое сознание. Акцент делался на проблеме формирования коммунистического типа личности и путей практического осуществления этого процесса. Принятый на XXII Съезде КПСС «Моральный кодекс строителя коммунизма» вновь декларировал известные постулаты. Сущность воспитания трактовалась как формирование социалистических нравственных отношений, основанных на общечеловеческих (честность, правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни, непримиримость к несправедливости, гуманные отношения и взаимное уважение между людьми) и классовых ценностях (преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине и к странам социализма). Закрепление «Морального кодекса строителя коммунизма» в поведенческих нормах предполагало активные воспитательные практики, применяемые различными государственными институциями, включая среднюю и высшую школу, средства массовой информации.

Феномен Ф. Вигдоровой как журналиста заключался в умении наполнить живым смыслом официальные идеологические стереотипы: «личность воспитывается в коллективе», «товарищеская взаимопомощь — основа социалистической морали», «человек — творец своей судьбы» и т. д. Решить эту непростую задачу удалось не только благодаря высокому профессионализму, но и самобытности личности, поражающей друзей и знакомых нравственной цельностью, провозглашенной в статьях и подтвержденной всей жизнью.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЗАЩИТНОЙ ПОЗИЦИИ Ф. ВИГДОРОВОЙ

В 1960-е гг. произошло новое открытие идей М. Бахтина: были переизданы книги «Проблемы поэтики Достоевского» (1963) [20], «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса»

(1965) [21]. Однако фрагмент большого труда 1920-х гг., получивший название «К философии поступка» [14], увидел свет лишь в 1986 году. Принципиальная в творчестве М. Бахтина работа оставалась в те годы неизвестной. Тем показательнее для оценки общего движения интеллектуально-нравственных поисков тех лет очевидное совпадение рефлексии философа и писательницы.

У М. Бахтина основополагающим феноменом выступает ответственность. Ответственный способ существования предполагает совершение поступков на основании признания своей причастности бытию — «не-алиби» в нем. В ответственном поступке, по М. Бахтину, сочетается потребность отыскать истину, этика, эстетика и действие: поступок познания исходит из понимания абсолютной ценности истины. Каждая мысль есть поступок, на кон ставятся не нравственные нормы, а степень соответствия человека бытию. Истина должна быть высказана. Так рождается слово как поступок. Творчество должно стать ответственным поступком. Таковой должна стать и вся жизнь. Поступок — способ существования человека в мире: «Все содержательно-смысловое: бытие — как некоторая содержательная определенность, ценность — как в себе значимая, истина, добро, красота и пр. — все это только возможности, которые могут стать действительностью только в поступке на основе признания единственной причастности моей» [14, с. 41]. Ответственность — залог единства культуры и жизни. Осознав это, можно избежать «неучастности» в бытии, то есть случайности сделанного, сказанного, прожитого, а значит, конформизма в жизни и конъюнктуры в творчестве.

Ф. Вигдорова в полной мере реализовала бахтинский принцип «не-алиби в бытии». Не зная статьи философа, не осмысливая собственное творчество с философских позиций, она двигалась в постижении законов бытия в одном направлении с ним. Писательница обладала тем типом мышления, которое М. Бахтин называл «участным». Ее позиция деятельного участия адекватна бахтинским представлениям о сущности и назначении человека в мире.

Ф. Вигдорова оценивала человека как существо гуманное. Его истинная природа рас-

крывается в сострадании и помощи слабому. Сочувствие предполагает содействие. «Человечество живо одною круговою порукой добра» — эти строки, любимые М. Цветаевой [22, с. 36], казались Л. Чуковской лучшим выражением побудительных мотивов поступков подруги: «Фрида была работником добра и всех вокруг делала своими — и добра! — сотрудниками. Ступив в поле ее излучения (слова Р.Д. Орловой. — Л. Чуковская), каждый незаметно и естественно становился звеном в создаваемой ею цепи» [11, с. 364].

В мировоззрении Ф. Вигдоровой человек выступает как гуманизатор, который с позиции культурно-исторических ценностей, своей милосердной сущности влияет на обстоятельства, условия жизни и очеловечивает мир вокруг себя.

Мир настоятельно требует гуманизации. Начинать ее нужно с повседневно-бытовой сферы: помочь другому не разувериться в себе, поддержать словом и делом. Человечность — главный закон существования людей, категорический императив. Осознать это — значит принять личную ответственность за происходящее в стране и мире. Ответственный поступок, могла бы сказать она вслед за М. Бахтиным, предполагает причастность не только событиям окружающего мира, но и другим людям, являющимся одновременно соучастниками и потенциальными свидетелями такого самоуверения.

Гуманизации подлежат буквально все сферы жизни: и система социальных институтов (а значит, она не могла отказаться от депутатской работы), и профессиональная деятельность (выежала по письмам читателей в самые отдаленные уголки страны), и система образования и воспитания (эти темы — центральные в ее творчестве), и частная жизнь (дочь вспоминала, что вся семья была заочно знакома с героями очерков и сопереживала стараниям матери, ближайшее окружение приобщалось к милосердной деятельности).

Дж. Фюрст отмечала отсутствие дихотомии «частное» — «общественное» в самосознании интеллигенции начала оттепели [23, р. 243]. Это утверждение справедливо в отношении Ф. Вигдоровой, которая, как и значительная часть либеральной интеллигенции, хотела внести свой

вклад в коллективное благо и верила в существование индивидуального и общественного совершенства. Эти стремления придавали общественным и профессиональным действиям либеральной интеллигенции тех лет «морально-абсолютистский» характер [24, р. 13].

Соучастие в чужой судьбе сродни творчеству, но особого свойства: создаются не произведения искусства, а нечто большее — ответный позыв души к добру, пробудившаяся потребность помогать другим. Этот нравственный императив соответствует словам К. Маркса: «Предположи теперь человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты сможешь любовь обменивать только на любовь, доверие только на доверие и т. д.» [25, с. 150–151]. Отзываясь на чужую беду, человек одухотворяет мир, становится причастен продолжающемуся становлению бытия. В позиции деятельного участия проявляется полнота сопричастности человека миру. Оставаясь на позициях марксистского мировоззрения, Ф. Вигдорова в повседневной практике и профессиональной деятельности реализовывала те постулаты, которые считала главными — гуманизм и деятельное стремление к справедливости.

Подведем итог. В социальной практике и профессиональном поведении Ф. Вигдорова ориентировалась на универсальные культурные образцы. Согласно онтологии и аксиологии Ф. Вигдоровой, человек — гуманизатор, его творческая и созидательная энергия реализуется в помощи другим людям, ответственном поступке, нацеленном на преобразование бытия по универсальным законам справедливости и милосердия. Опереться в созидательных стремлениях к добру можно на классическую культуру. В ней сконцентрирована память и весь духовно-нравственный опыт человечества, даны фундаментальные принципы самосмысления и отношения к жизни. Личность, впитавшая культурный опыт человечества, преодолевает дискретность времени, осознает себя продолжателем универсальных, вневременных традиций.

Свою социокультурную идентичность Ф. Вигдорова формировала по модели «защитник», ориентируясь в общественной практике на великих предшественников (Воль-

тер, А. Герцен, В. Короленко). Поведенческие образцы помогали выстроить безошибочную систему координат для моделирования собственных действий. Защитная практика не исчерпывалась делом Бродского, реализовывалась в общественной работе депутата райсовета и профессиональной деятельности. В основе такой поведенческой модели лежат аксиологические принципы, наследованные советской культурой у русской и европейской традиции Нового времени, — антропоцентризм и гуманизм.

Социокультурную позицию Ф. Вигдоровой можно оценить как интериоризацию. В ее самосознании «советское» и «русское» не составляли оппозиционную пару, а дополняли друг друга, «советское» осмысливалось как продолжение традиций русской классической культуры.

Список источников

1. Русина Ю. Самиздат в СССР: тексты и судьбы [Электронный ресурс] / Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина : офиц. сайт. Екатеринбург, 2015. 195 с. URL: <http://docplayer.ru/25979076-Yu-a-rusina-samizdat-v-sssr-teksty-i-sudby.html> (дата обращения: 10.01.2019).
2. Блюм А. Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953–1991. Санкт-Петербург : Академический проект, 2005. 296 с.
3. Титов В. Фрида Вигдорова как персонификатор «оттепели» [Электронный ресурс] // Вестник Евразии. 2006. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/frida-vigdorova-kak-personifikator-ottepeli> (дата обращения: 15.01.2019).
4. Вессье С. За вашу и нашу свободу! : Диссидентское движение в России. Москва : Новое литературное обозрение, 2015. 576 с.
5. Буббайер Ф. Совесть, диссидентство и реформы в Советской России. Москва : РОССПЭН, 2010. 364 с.
6. Проффер К. Заметки к воспоминаниям об Иосифе Бродском // Без купюр. Москва : АСТ: CORPUS, 2017. С. 193–283.
7. Bowl J.E. Russian Samizdat Art : Essays. New York : Willis Locker & Owens Pub, 1986. 210 p.
8. Вигдорова Ф. Право записывать / сост. Е. Вигдорова, А. Раскина. Москва : АСТ, 2017. 416 с.

9. Розенблюм О. Но от знания до поведения тоже есть еще путь, и немалый : образ писателя-защитника в воспоминаниях о Фриде Вигдоровой (1965–1966) [Электронный ресурс] // Семиотика поведения и литературные стратегии : Лотмановские чтения — XXII. Вып. 3. Москва : РГГУ. 2017. С. 303–322. URL: <http://ivgi.rsuh.ru/article.html?id=2633286> (дата обращения: 20.11.2018).
10. Паперно И. Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель // Новое литературное обозрение. 2004. № 68. С. 102–128.
11. Чуковская Л. Памяти Фриды // Сочинения : в 2 т. Москва : Гудьял-Пресс, 2000. Т. 1. С. 357–429.
12. Орлова Р. Фрида Вигдорова // Воспоминания о непростедшем времени. Москва : Слово, 1993. С. 278–325.
13. Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой : в 3 т. Москва : Время, 2013. Т. 3. 608 с.
14. Бахтин М. К философии поступка // Собрание сочинений : в 7 т. Москва : Русские словари : Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. С. 7–69.
15. Мандельштам Н. О Фриде Вигдоровой // Вигдорова Ф. Право записывать. Москва : АСТ, 2017. С. 384–410.
16. Грекова И. Свет доброты // Вигдорова Ф. Право записывать. Москва : АСТ, 2017. С. 13–27.
17. Раскина А. Фрида Вигдорова и дело Бродского: мифы и реальность // Вигдорова Ф. Право записывать. Москва : АСТ, 2017. С. 258–280.
18. Пенская Е. «1968» в прессе 2008 : Российская журналистика 1960-х как образовательная среда // Вопросы образования. 2009. № 1. С. 266–279.
19. Mayofis M. «Individual Approach» as a Moral Demand and a Literary Device : Frida Vigdorova’s Pedagogical Novels // Partial Answers : Journal of Literature and the History of Ideas. 2015. Vol. 13, № 1. P. 19–41.
20. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Собрание сочинений : в 7 т. Москва : Русские словари : Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 7–300.
21. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса // Собрание сочинений : в 7 т. Москва : Русские словари : Языки славянской культуры, 2010. Т. 4 (2). С. 7–517.
22. Цветаева М. Искусство при свете совести // Собрание сочинений : в 7 т. Москва : Терра : Книжная лавка-РТР. 1997. Т. 5. Кн. 2. С. 24–53.
23. Fürst J. Friends in Private, Friends in Public : The Phenomenon of the Kompaniia Among Soviet Youth in the 1950s and 1960s // Borders of Socialism : Private Spheres of Soviet Russia / ed. L.H. Siegelbaum. New York : Palgrave Macmillan, 2006. P. 229–249.
24. Tökés R.L. Varieties of Soviet Dissent : An Overview // Dissent in the USSR. Politics, Ideology and People. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1975. 453 p.
25. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41–174.

The “Advocate” Identity in Social and Professional Practice of Frida Vigdorova

Elena G. Serebryakova

Voronezh State University, 1, Universitetskaya Sq., Voronezh, 394018, Russia
 ORCID 0000-0002-5281-8192; SPIN 2777-8959
 E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru

Abstract. *The object of the research is the social and professional position of the writer and journalist Fri-*

da Vigdorova, which was estimated by the Soviet liberal intelligentsia of the 1960s–1970s as extremely valuable. Her record of the trial of I. Brodsky served as a model for the drafters of reports on the trials of dissidents – A. Ginzburg, P. Litvinov, N. Gorbanevskaya, and others. Nonconformists shared the worldview principles of Vigdorova, replicated her behavioral model in the process of protecting dissidents from persecution of the authorities, and made the “advocate” model the standard of public behavior. The article aims to identify the origins of the “advocate” behavioral model formation and to characterize the journalist’s axiology. Frida Vigdorova’s jour-

nalism and memoirs of her contemporaries served as the study material.

The author asserts that Vigdorova modeled her social and professional behavior on the samples created by the Russian and European tradition. V. Korolenko’s public activities was the closest reference point. To prove this thesis, the author compares Vigdorova’s behavioral tactics in the “case of Brodsky” and Korolenko’s in the “case of Beilis”. Comments of Vigdorova’s contemporaries confirm her conscious orientation to the “advocate” behavioral model, implemented not only in the “case of Brodsky”, but also in her social practice and journalism. Vigdorova’s axiology, according to her contemporaries, included active help to people, humanism and a desire for justice.

Vigdorova’s journalism is devoted to the ethics of social relations. The plot of her essays is usually based on dramatic events requiring immediate public intervention. She orients the reader to empathy and active social behavior in response. Thus, the task of forming the active participation of citizens in the fate of each other is solved; the value of compassion and mercy is established.

The article concludes that the axiology and behavioral practices of Vigdorova included the universal values for the Russian and European tradition of the 19th century – anthropocentrism and humanism.

Key words: F. Vigdorova, case of Brodsky, “advocate” behavioral model, behavioral patterns, non-conformism, sociocultural identity, culture of social communication, culture and personality.

Citation: Serebryakova E.G. The “Advocate” Identity in Social and Professional Practice of Frida Vigdorova, *Observatory of Culture*, 2019, vol. 16, no. 1, pp. 72–83. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-1-72-83.

References

1. Rusina Yu. *Samizdat v SSSR: teksty i sud'by* [Samizdat in the USSR: Texts and Fates], 2015, 195 p. Available at: <http://docplayer.ru/25979076-Yu-a-rusina-samizdat-v-sssr-teksty-i-sudby.html> (accessed 10.01.2019).
2. Blyum A. *Kak eto delalos' v Leningrade. Tsenzura v gody ottepeli, zastoya i perestroiki. 1953–1991* [How It Was Done in Leningrad. Censorship in the Years of Thaw, Stagnation and Restructuring. 1953–1991]. St. Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 2005, 296 p.
3. Titov V. Frida Vigdorova as a Personator of the “Thaw”, *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasica], 2006, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/frida-vigdorova-kak-personifikator-ottepeli> (accessed 15.01.2019) (in Russ.).
4. Vaissié C. *Za vashu i nashu svobodu! Dissidentskoe dvizhenie v Rossii* [For your and our Freedom! The Dissident Movement in Russia]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2015, 576 p.
5. Boobbyer Ph. *Conscience, Dissent and Reform in Soviet Russia*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 364 p. (in Russ.).
6. Proffer C. Notes to the Memoirs of Joseph Brodsky, K. Proffer. *Bez kupyur* [C. Proffer. Without Cuts]. Moscow, AST: CORPUS Publ., 2017, pp. 193–283 (in Russ.).
7. Bowlit J.E. *Russian Samizdat Art: Essays*. New York, Willis Locker & Owens Pub, 1986, 210 p.
8. Vigdorova F. *Pravo zapisyvat'* [The Right to Write]. Moscow, AST Publ., 2017, 416 p.
9. Rozenblyum O. However, from Knowledge to Behavior, There Is Also a Path, and a Considerable One: The Image of an Advocating Writer in the Memoirs of Frida Vigdorova (1965–1966), *Semiotika povedeniya i literaturnye strategii: Lotmanovskie chteniya – XXII. Vyp. 3* [Semiotics of Behavior and Literary Strategies: Lotman Readings – XXII. Issue 3]. Moscow, RGGU Publ., 2017, pp. 303–322. Available at: <http://ivgi.rsuh.ru/article.html?id=2633286> (accessed 20.11.2018) (in Russ.).
10. Paperno I. Soviet Experience, Autobiographical Writing, and Historical Consciousness: Ginzburg, Herzen, Hegel, *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2004, no. 68, pp. 102–128 (in Russ.).
11. Chukovskaya L. To the Memory of Frida, *Soch.: v 2 t.* [Works: in 2 volumes]. Moscow, Gud'yal-Press Publ., 2000, vol. 1, pp. 357–429 (in Russ.).
12. Orlova R. Frida Vigdorova, *Vospominaniya o neprosheдном vremeni* [Memories of the Non-Past Time]. Moscow, Slovo Publ., 1993, pp. 278–325 (in Russ.).
13. Chukovskaya L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi: v 3 t.* [Notes about Anna Akhmatova: in 3 volumes]. Moscow, Vremya Publ., 2013, vol. 3, 608 p.
14. Bakhtin M. To the Philosophy of Action, *Sobr. soch.: v 7 t.* [Collected Works: in 7 volumes]. Moscow,

- Russkie Slovarei Publ., Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2003, vol. 1, pp. 7–69 (in Russ.).
15. Mandelstam N. About Frida Vigdorova, *Vigdorova F. Pravo zapisyvat'* [Vigdorova F. The Right to Write]. Moscow, AST Publ., 2017, pp. 384–410 (in Russ.).
16. Grekova I. The Light of Kindness, *Vigdorova F. Pravo zapisyvat'* [Vigdorova F. The Right to Write]. Moscow, AST Publ., 2017, pp. 13–27 (in Russ.).
17. Raskina A. Frida Vigdorova and the Case of Brodsky: Myths and Reality, *Vigdorova F. Pravo zapisyvat'* [Vigdorova F. The Right to Write]. Moscow, AST Publ., 2017, pp. 258–280 (in Russ.).
18. Penskaya E. "1968" in the Press of 2008: Russian Journalism of the 1960s as an Educational Environment, *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies], 2009, no. 1, pp. 266–279 (in Russ.).
19. Mayofis M. "Individual Approach" as a Moral Demand and a Literary Device: Frida Vigdorova's Pedagogical Novels, *Partial Answers: Journal of Literature and the History of Ideas*, 2015, vol. 13, no. 1, pp. 19–41.
20. Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's Poetics, *Sobr. soch.: v 7 t.* [Collected Works: in 7 volumes]. Moscow, Russkie Slovarei Publ., Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2002, vol. 6, pp. 7–300 (in Russ.).
21. Bakhtin M.M. Francois Rabelais's Works and the Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance, *Sobr. soch.: v 7 t.* [Collected Works: in 7 volumes]. Moscow, Russkie Slovarei Publ., Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2010, vol. 4 (2), pp. 7–517 (in Russ.).
22. Tsvetaeva M. Art under the Light of Conscience, *Sobr. soch.: v 7 t.* [Collected Works: in 7 volumes]. Moscow, Terra Publ., Knizhnaya Lavka-RTR Publ., 1997, vol. 5, book 2, pp. 24–53 (in Russ.).
23. Fürst J. Friends in Private, Friends in Public: The Phenomenon of the Kompaniia Among Soviet Youth in the 1950s and 1960s, *Borders of Socialism: Private Spheres of Soviet Russia*. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2006, pp. 229–249.
24. Tökés R.L. Varieties of Soviet Dissent: An Overview, *Dissent in the USSR. Politics, Ideology and People*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1975, 453 p.
25. Marks K. Economic and Philosophical Manuscripts of 1844, *Marks K., Engel's F. Sochineniya* [Marx K., Engels F. Works]. Moscow, Politizdat Publ., 1974, vol. 42, pp. 41–174 (in Russ.).

17–19 октября 2019 г., Уфа

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

ЭЛЕКТРОННАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Цель конференции: анализ вопросов компьютерной лингвистики языков народов Российской Федерации, обсуждение проблем сохранения языков в условиях глобализации и техногенного развития человеческой цивилизации, укрепление научных связей и обмен опытом.

На конференции будут рассматриваться следующие проблемы:

- ◆ Компьютерные программы поддержки национальных языков.
- ◆ Лингвистические базы данных, документирование языка.
- ◆ Электронные библиотеки и энциклопедии.
- ◆ Электронные образовательные ресурсы и проблемы цифровизации национального образования.
- ◆ Национальные корпуса языков, опыт создания и применения корпусов в научной и образовательной практике.
- ◆ Морфологические и синтаксические анализаторы.
- ◆ Машинный перевод и обработка речи.
- ◆ Пути стимулирования активности языкового сообщества, функционирование языка в социальных сетях.
- ◆ Нормативно-правовое обеспечение электронной письменности языков народов РФ.

Контактная информация – e-mail: buskl@yandex.ru